

БАМБУК ДО САМОГО НЕБА

Давно-давно это было.

Жили в одной деревне старик и старуха.

Как-то раз летним вечером сидят они на веранде своего дома, прохладой дышат.

Задремали старики.

Вдруг словно кто-то в дверь постучал: тон-тон-тон. Не понять даже, наяву это слышится или во сне.

И снова: тон-тон-тон.

Проснулась старуха, разбудила старика.

— Дед, к нам стучатся. Выйди навстречу гостю.

Старик пошёл к передней двери, а старуха из кухонной выглянула. Никого. Видно, почудилось. Снова задремали старики.

Вдруг опять откуда-то донеслось: тон-тон-тон.

— Да ты прислушайся, дед! Стучат-то внизу, под самой половицей.

Прислушался старик.

— Правда твоя, старуха, пойду-ка я посмотрю.

Заглянул он под веранду — и что же видит! Росток молодого бамбука упёрся в половицу и стучит: тон-тон-тон.

— Ах ты бедняга! Трудно тебе приходится. Расти-то дальше некуда. Ну ничего, я выпущу тебя на волю.

Прорубил старик дыру в половице и освободил верхушку бамбука. Распрямился молодой бамбук. Согрело его солнце, овеял тёплый ветер. Рос бамбук быстро-быстро.

Но скоро повстречал он на своём пути новую помеху. И трёх дней не прошло, как молодой бамбук снова упёрся — в потолок: тон-тон-тон, тон-тон-тон.

— О-о, опять ты просишься на свободу! — смеётся старик. — Погоди, погоди, сейчас я тебе помогу.

Прорубил старик дыру в потолке.

Но не прошло и двух дней, как снова послышалось: тон-тон-тон.

Упёрся молодой бамбук в черепичную кровлю. Не пожалел старик кровли — разобрал черепицу.

Теперь над зелёным ростком только синее небо. Всё дальше от земли уходила его верхушка. А старик со старухой любовались, как тянется ввысь молодой бамбук, и так радова-

лись, словно был он их родным сыном.

— Смотри, старая, как он вырос. Уж и не видать его верхушки. Скрылась в облаках.

— Он теперь, дед, поднялся выше самой высокой горы.

Выше горы Фудзи вознёсся наш бамбук. Вот узнать бы, куда он дорос.

— А вот завтра, старая, влезу я по его стволу на самую верхушку. Тогда и узнаем.

На другое утро поднялись старик со старухой рано-рано. Старуха лепёшек напекла.

Подкрепился старик в дорогу. Привязал узелок с лепёшками к поясу. Старуха ему с собой крепкую верёвку дала:

— Устанешь, дед, так привяжи себя крепко-накрепко к стволу, отдохни немного. А там и опять полезай.

— Ну, прощай, старая, жди меня.

— Ты смотри, дед, осторожнее. Годы твои немолодые. Ведь недаром говорят: «Обезьяна и та падает с дерева».

Вот полез старик кверху по стволу бамбука. Старуха рукой машет на прощанье: возвращайся, мол, скорее.

Поднялся старик вровень с крышей дома, посмотрел вниз — старуха во весь рот ему улыбается. Поднялся он выше самой высокой сосны во дворе дома, опять вниз глянул, а лицо у старухи стало маленькое-маленькое, как орешек. Лезет старик всё выше, карабкается, уж и жаворонок до него не долетит.

А старуха с земли смотрит.

Вот старик стал величиной с дыню, вот с баклажан, вот с горошину, вот с кунжутное семечко, а там, смотри-ка, и вовсе из глаз пропал.

Старик на свой дом с вышины посматривает. Вот стал его дом величиной с дыню, вот с баклажан, вот с горошину, вот с кунжутное семечко — и совсем исчез, словно растаял.

Посмотрел старик на небо. Нет, ещё не видать верхушки бамбукового ростка.

Верно, долго ещё лезть придётся. Вот снежная вершина Фудзи стал величиной с горошину, вот уже её и совсем не видно. Да что там гора Фудзи! Вся Япония теперь словно маковые зёрнышки — и не разглядишь.

Наконец совсем скрылась земля из виду. Вокруг только широкое небо.

Привязал старик себя верёвкой к стволу, отдыхает и думает: «Как-то там теперь моя старуха? Верно, тревожится обо мне».

Но уж не спускаться же вниз, когда залез так высоко! Отдохнул он, собрался с силами и снова полез по стволу.

Поглядел вверх — не узнать неба, так переменялось.

Были звёзды величиной с кунжутное семечко, а теперь стали крупные, как горошины. Луна была величиной с круглый веер, а теперь большая-большая, как гора Фудзи.

Видно, дорос бамбук до самой луны. Обрадовался старик. «Хорошо бы, — думает, — в Лунном царстве побывать. Много про него на земле чудесного рассказывают».

Наконец добрался он до верхушки молодого ростка.

— Утомился я в дороге, — говорит, — и ты, верно, тоже устал, бедный. Вон ведь докуда дорос.

В Лунное царство серебряные ворота ведут, а у ворот два зайца на страже стоят.

Не раз, когда старик с земли на луну смотрел, казалось ему, что видит он дерево, а под ним зайца с длинными ушами. «Не обманули меня глаза, — думает, — вот они, лунные зайцы!»

Вошёл старик в ворота. За воротами сад. Растут в нем серебряные деревья с жемчужными ветками.

А в глубине сада серебряный дворец виднеется. Встретили гостя у входа маленькие звёзды и провели в богато убранный чертог. Весь он так и светится.

Посадили старика на парчовые подушки, подносят ему разные кушанья, чаем угощают.

Вышла к гостю сама Лунная дева.

Говорит она старику:

— Спасибо тебе, что навестил нас. Все мы тебе рады. Ты добрый человек, позаботился о нашем любимом ростке бамбука. Погости у нас, не торопись домой... Эй, зайцы, звёзды, позабавьте гостя!

Стали зайцы плясать перед стариком. Скачут друг через друга, кувыркаются. Одни в барабан стучат, другие в ладоши прихлопывают, третьи поют:

Заяц, заяц, отчего
У тебя такие уши
Длинные, длинные,
Словно листья у бамбука?
Бам-бам-бам, бум-бум-бум.

Оттого что в детстве мама
За уши меня тянула,
Стали уши у меня
Длинные, длинные,
Словно листья у бамбука,
Бам-бам-бам, бум-бум-бум.

Потом звёзды начали кружиться в хороводе и запели звонкими серебряными голосами:

Свет-свет-светляки!
Свет-свет-светляки!
Если будут вас ловить.
Прилетайте к нам сюда.

Смотрит старик, слушает. Незаметно время летит, на земле уже вечер близок.

И тут вспомнил старик о своей старухе. Верно, ждёт она не дожждётся. Пора и домой.

Простился старик с Лунной девой, простился со звёздами, а зайцы его до самых ворот проводили.

Спускаться-то скорей, чем подниматься.

Вот звёзды стали маленькими-маленькими и скоро совсем из виду пропали, а внизу земля показалась. Сперва была она с маковое зёрнышко, а потом стала как орешек, а потом — как баклажан, а потом — как большая дыня. Вот её уж и глазом не измерить. Гора Фудзи высится большая-большая. А вот и родная деревня! Вот уж и дом старика виден.

Спустился старик до самой своей крыши и зовёт:

— Старуха, а старуха, выходи-ка меня встречать!

А старуха с самого утра ждёт, места себе не находит. Всё на небо поглядывает, даже шею заломило. Под вечер пошла домой ужин варить, но на голос старика бегом из дверей выбежала:

— Наконец-то вернулся! Вот радость! А у меня как раз ужин поспел. Ну, рассказывай, где побывал, что видел.

— А видел я, старая, чудеса. Наш-то бамбук до самого неба дорос! Вот ты послушай...

Поужинал старик. Трубку покуривает и старухе рассказывает про Лунное царство.

Удивляется старуха:

— И правда чудеса! Нет, старик, уж ты как себе хочешь, а завтра возьми меня с собой на небо. Посмотрю и я, как звёзды пляшут.

Пожалел старик старуху. Не много она в жизни радостей видела. Пусть хоть напоследок в Лунном царстве побывает.

Вот на другое утро встали оба рано-рано. Старуха по деревьям лазать не умеет.

Посадил её старик в большой мешок.

— Только помни, старуха: ты меня ни о чём по дороге не спрашивай. Я мешок в зубах буду держать. Если раскрою рот, беда случится! Полетишь ты камнем вниз, и костей не соберёшь.

— Не бойся, старый, ни о чём тебя не буду спрашивать, словечка не скажу. Буду молчком сидеть в мешке до самого Лунного царства.

Взял старик мешок в зубы — они у него были ещё крепкие — и полез вверх по стволу бамбука.

Вот поднялся старик выше своего дома, выше самой высокой сосны в саду. Стал его дом не больше дыни, а там с баклажан, а потом с горошину. Стал маленьким-маленьким, как кунжутное семечко, и совсем из глаз скрылся.

Высока снежная гора Фудзи, а теперь кажется не больше орешка. Много времени не прошло, глянул вниз старик, а уж вся Япония — маковые зёрнышки. И совсем в тумане растаяла. Передохнул старик и снова полез вверх.

Старухе в мешке ничего не видно. Была она словоохотлива. Надоело ей молчком сидеть. Но ведь старик приказал рта не раскрывать. Приказывать-то легко, а каково выполнить?

Лезет вверх старик, карабкается по стволу.

Были звёзды не больше кунжутного семечка, а теперь стали величиной с дыню. Луна — что большая гора.

Тут начала было старуха:

— Эй, послу... — да на полуслове спохватилась. Немного времени прошло, она опять:

— Эй, послушай, дед... — да вовремя рукой себе рот зажала.

Чуть-чуть было старик не откликнулся, но, к счастью, промолчал.

А старухе всё больше не терпится:

— Эй, старик, далеко ещё?

Старик в ответ мычит:

— М-м-м.

Слово за слово, разговорилась старуха. Толкует о том о сём и время от времени спрашивает:

— Ну что, старик, далеко ли ещё до луны? Скоро ли мы там будем? А что, виден уже серебряный дворец?

Вот уж Лунное царство так близко — рукой подать.

— Ну что, старик, долго ли ещё мне ждать? В мешке темно, душно...

Вот наконец серебряные ворота показались.

— Эй, старик, да когда же ты, наконец, доберёшься до неба?

У старика с языка и сорвись:

— Уже добрался.

Только старик открыл рот, как при первом же его слове полетел мешок вниз. Вот он стал не больше дыни, вот уж он меньше баклажана, вот величиной с горошину, вот с маковое зёрнышко — и совсем из глаз пропал.

Выбежали звёзды и зайцы деду навстречу. Сама Лунная дева к нему вышла. Но не захотел старик один в Лунном царстве веселиться и начал быстро-быстро спускаться вниз.

Слез он с бамбука на землю и кричит:

— Эй, старуха! Вот я и домой вернулся.

Никто не отвечает. Никто не выбежал ему навстречу. Нет нигде старухи — ни дома, ни в саду.

Заплакал старик. Сел один ужинать.

Ночью проснулся он и слышит, словно кто-то стучится в двери и ставни.

Спрашивает старик спросонок:

— Где ты, старуха?

«Тут, тут, — слышится ему, — тут, тут».

Обратилась старуха в лёгкий ветерок.

Хлопочет ветерок в саду, сухие листья в сторону сгребает, бельё сушит — и всё шепчет, шепчет без умолку.

Прислушается старик и слова различает:

«Эй, дед, как живёшь? Хорош-ш-шо ли рис у тебя сварился?..»